

Сергей Горбачев

Арабатская стрелка

повесть

Сергей Горбачев

Арабатская стрелка. Повесть

«Издательские решения»

2015

Горбачев С.

Арабатская стрелка. Повесть / С. Горбачев — «Издательские решения», 2015

Повесть «Арабатская стрелка» основана на реальных событиях, происходивших в Крыму весной 2014 года, накануне референдума о вхождении в состав России. Жители села Стрелковое, расположенного на границе Крыма и Херсонской области, на сходе принимают решение перенести госграницу с южной околицы на северную. Наивная попытка «вернуться» в Крым делит старинное казачье село по национальному признаку. «Что с вашей лодкой?!», – когда-то давно спросили президента. «Она утонула», – спокойно ответил он...

Содержание

Слова	6
Люди	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Арабатская стрелка
повесть
Сергей Горбачев

© Сергей Горбачев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Слова

Если правда то, что в Киеве больше не любят русских, то в этом виноват только я...

Той осенью город был как никогда «жовто-блакитным». С утра небо проливалось дождём, а потом весь день опавшие жёлтые листья плавали в его голубом отражении. И вышагивать по тем цветным лужам, опять-таки, в жёлтых ботинках на толстой подошве, было одно удовольствие. До тех пор, пока Лерка не забыла в машине зонт. И хотя от внезапного ливня спаслись в ближайшей кафешке, но до неё ещё надо было добежать, и, видимо, тогда я и подпростыл.

Тот аптечный киоск на бульваре Леси Украинки, куда мы вырулили по дороге домой, был очень кстати. И если бы Лерка не осталась ждать в машине, я бы, конечно, так не оконфузился. Всего-то и надо было купить капли в нос, да одноразовые бумажные платочки, что может быть проще. С каплями, собственно, так и вышло, а вот с платочками, как-то не задалось...

Немолодая продавщица – дородная киевская тётка – протянула капли и две упаковки платочков, забрала гривны и дружелюбно кивнула на моё «Спасибо». Но шагнув, было, в сторону машины, я застыл, недоумённо разглядывая покупки. Вернее, одноразовые бумажные платочки, на упаковке которых синело по-украински довольно странное название. Не знаю, чем именно я тогда был озабочен, но перечитывая его на местный манер – «нижний дотык» – я вдруг понял, что произошло какое-то невероятно смешное недоразумение. «Ведь мне не нужен „доты́к“, – хмыкнул про себя я, – а уж тем более „ні́жний“». Неужто, перепутала тётка платки с...

– Женщина, извините, – снова заглянул я в аптечный киоск, – но вы перепутали. Я у вас платочки одноразовые просил, а вы мне вот... это дали... – неловко улыбаясь, протягивал я упаковки с «доты́ком».

– Что просили, то и дала, – недоумённо смотрела на свой товар продавщица. – Вам для чего надо?

– Ну, уж точно не для этого... – её вопрос откровенно развеселил. – Мне для носа. А это... явно для другого, – подмигнул я, с трудом сдерживаясь от смеха.

– А я и дала для носа, – ещё более недоумённо тарасилась тётка.

– Интересно, что вы сейчас носом назвали? – не выдержав, расхохотался я. – Мне, вот, для этого носа, – трогал я рукой свой собственный нос и громко смеялся.

– А я тебе что дала?! – в голосе тётки стали появляться визгливые нотки. Она явно не понимала, что происходит, и на всякий случай перешла к обороне.

– Ладно, женщина, вы только не расстраивайтесь, всякое бывает, – давил я смех. – Я у вас платочки просил, а вы мне этот дали... нижний заты́к, – снова прыснул я.

– И чо?! – уже агрессивно спросила она.

– Ну, нижний же... – активно помогая себе жестами, показывая, насколько нижний, не зная, как ещё объяснить продавщице её оплошность. И трудно описать, как же это было смешно.

Она наконец-то поняла. И так посмотрела на меня, что я поперхнулся своим смехом. Несколько секунд звенящей тишины, и тётка отчеканила:

– Ні́жний до́тык. Здесь написано: «Ні́жний Дотик». Понятно тебе?! Не нижний, а ні́жний – нежный по-русски. Не доты́к, а до́тык – прикосновение по-вашему. Понятно тебе?! «Нежное прикосновение» платки называются!

– Москаль клятый, изгаляться вздумал! – бросила она на прилавок обе упаковки с платочками, и с размаху захлопнула перед моим носом окошко киоска. Я даже извиниться не успел...

Клянусь, мне до сих пор стыдно, хотя уже столько лет прошло. Я ведь не издевался той осенью 2004 года, я, правда, не знал. Стыдно и смешно.

– Мишка, из-за тебя у нас тут Майдан случился, – долго ещё смеялась по телефону Лерка, звоня мне из Киева в Москву, припоминая эту игру слов.

А я думаю, что и второй Майдан через десять лет тоже из-за меня случился. Ну, как в той побасёнке, про взмах крыльев бабочки в дельте Амазонки, что вызывает цунами у побережья Японии...

***

Побережье Азовского моря от цунами никогда не страдало, но недоразумения на Арабатскую стрелку – длинную косу в северо-восточной части Крымского полуострова – сваливались регулярно. Когда-то давно тут проходил почтовый тракт, и этот довольно удобный путь в Крым по узкой косе километров на сто был короче, чем дорога через Перекоп. Полосатые столбы здесь стояли, как и положено, каждую версту, колодцы – через пять вёрст, почтовые станции – через 25, трактиры и казармы – через 50. Главная станция звалась Тревогиньская, жили при ней донские казаки, переселённые на Стрелку вместе с семьями для несения службы на тракте.

В общем, обустроено всё было настолько хорошо, что во время Крымской кампании 1855 года англичане с французами снарядили целую эскадру для блокады Арабатской стрелки, дабы помешать передвижению русских войск. Долго союзники курсировали вдоль 110-верстной косы, удивляясь, как ловко маскируются русские, пока, наконец, не поняли, что патрулируют пустоту, так как почтовый тракт перевели на полуостров.

Но войну-то никто не отменял, поэтому доблестная эскадра смело разбомбила брошенные станции, трактиры да рыбачьи хижины и отрапортовала в Адмиралтейство, что укрепленные посты русских уничтожены, а их войска вытеснены с Арабатской стрелки. Вот только высадить десант на Стрелку союзники так и не решились. Но почтовую станцию со старинным казачьим названием Тревогиньская пожгли из пушек.

Сколько тогда в окрестных казачьих хуторах обитало жителей, Иван Пантелеевич Пономарь – председатель местного сельсовета – понятия не имел, но своё нынешнее хозяйство – село Стрелковое, выросшее на пепелище той Тревогиньской станции, досконально знал не только в лицах, но и в числах.

Сто пятнадцать дошколят и сто сорок шесть школьников были гордостью Ивана Пантелеевича, больше нигде на Арабатской стрелке столько детишек не родилось. Пенсионеров, правда, тоже немало – ровно четыреста сорок стариков вместе с Пономарём. Но зато работающего населения всё равно больше. И были для Ивана Пантелеевича эти без малого полторы тысячи односельчан не просто цифрами, которые он сводил по должности своей, это была вся его 70-летняя жизнь, где не только он каждого мальчика знал в лицо, но и его самого знали сизмальства.

А сейчас председатель Стрелковского сельсовета Иван Пантелеевич Пономарь находился в большой тревоге. Очередное недоразумение подступило к Стрелке в марте 2014 года сразу с двух сторон...

– Нет, ты мне прямо скажи, председатель, что ты решил? – старуха Сварина сидела на краю табуретки и цепко держала Ивана Пантелеевича в прищуре своих выцветших за слишком долгую жизнь глаз. – Молчишь? А зачем тогда третьего дня в гости напрашивался? Я, вот, не дождалшись, сама пришла, хоть и бабка уже немощная.

– За тобой, Кузьминишна, вся наша «старая гвардия», сама знаешь, вот и напрашивался. А немощь свою ты ещё лет двадцать назад клюкой в подпол загнала, – усмехнулся председатель

и посерьёзнул: – Прости, что сам не дошёл, хоть и собирался, столько всего сейчас... Слово мне твоё нужно, Кузьминишна, голова кругом идёт...

– Ну, так я тебе скажу, Пантелеич, слово своё... – задумчиво пожевала старуха губами. – Просто всё. По мне, так не важно, пожгут нас, как Тревогиньскую или нет. Важнее, за что жечь будут, – строго посмотрела она.

Председатель сельсовета побаивался её с детства. Порода такая была у Свариных. До всего им дело есть. Вынь да положь правду-матку на блюдечке. А если нет этой самой правды? Разве она всегда есть?

Старуха Сварина хоть и опиралась на свою клюку, но сидела с такой прямой спиной, словно и не давил на неё этот восемьдесят восьмой март в её жизни.

– Всё у тебя просто, Кузьминишна, – вздохнул председатель, – пожгут – не пожгут... Да-а, знать бы, как оно обернётся, мне бы, может, легче было, хоть бы и пожгли...

– А ты не ищи, где легче, ты ищи, где правда. Ты – власть или хрен собачий?! Отец мой, в 41-м годе, на твоём месте собрал всех, да прямо в сельсовете сполох и объявил.

– Эх, порода... – снова вздохнул председатель.

Кто ж не слышал в Стрелковом про председателя Кузьму Сварина, который всех колхозных дедов и пацанов, оставшихся после мобилизации, собрал в отряд и увёл по косе в керченские каменоломни партизанить, да там и сгинул? Кто не знает старуху Сварину, которую 16-летней девкой угнали в Германию, а она сбежала, и пешком, через Польшу, оккупированную Белоруссию и Украину, спустя десять месяцев вернулась в село, и, говорят, больше уже не пряталась, хотя Крым ещё под немцем был. Порода...

– Ты мне тут не пыхти, – не унималась старуха. – Тогда ясно всё было, где свои, где чужие, а сейчас везде свои. Потому и слово твоё ждуд люди. Не рви ты их, председатель, сам решай. Никогда по жизни не юлил и сейчас не юли...

От таких вот слов старухи Сваринной, Ивану Пантелеевичу легче не стало. Проводил до калитки, поблагодарил, да и вернулся в дом – в то же место, в те же думки.

Хозяйничал Иван Пантелеевич уже много лет один в своём доме. На одной стене грусть проглядывает – портреты тех, кто ушёл в мир иной: жена, сын, невестка... На другой радость прорывается – фотографии внуков висят: Мишка и Лерка. На старом серванте нежность просвечивает – россыпь детских фотографий в рамочках толпится: Лиза, Настя, Маруся – эти Мишкины москвички; Даня и Сонечка – Леркины киевляне. Много правнуков у председателя. Каждый год в середине июля съезжается вся эта детвора на день рождения деда Ивана, и прирастает старый сервант новыми фоточками, скопившимися за год; накрываются столы во дворе под абрикосиной, что от старости плодоносит уже только на верхушке, но тень во дворе в любую жару держит исправно, и так неделю-другую, пока не схлынет детвора обратно по своим столицам. И снова один...

В дверь громко заколотили. Слишком громко, незванный гость словно стучал палкой.

– И чего тарабанить так, – пробормотал, поднимаясь, председатель. – Заходи, давай, открыто! – крикнул он.

В дверях стоял Васька Глод, местная достопримечательность, довольно взбалмошный, не от мира сего парень лет за тридцать, вечный «предприниматель». Над его попытками открыть очередной бизнес в Стрелковом уже даже никто и не смеялся, так искренне бросался он в новое дело с головой, забывая, чем занимался ещё вчера. И что забавно, вовсе не разбогатеть всегда Васька хотел, а пользу принести. Некоторые за это даже дурачком его считали, что тут скажешь... зато любили его в селе. А председатель вдвойне привечал Ваську, так как был тот одноклассником его внука, когда Мишка жил у деда в Стрелковом и учился в местной школе.

В руках Глод держал сложенный телескопический спиннинг, которым, очевидно, и тарабанил в дверь.

– Здравствуй, Василий, проходи. В дом-то зачем тащишь удилище своё, на рыбалку, что ль собрался? – невольно улыбнулся Иван Пантелеевич. – Брось, вон, у порога, и проходи. Чай пить со мной будешь? Садись, давай, за стол.

– Да, дядь Вань, буду. Здрасьте-здрасьте. Как там Мишка, звонит часто? – Возбуждённо-радостно улыбался в ответ Васька Глод и, не дожидаясь ответа, сам стал отвечать: – Не, дядь Вань, эт не для рыбалки, эт для отряда. Я в телике бачил. Умные они там, в Киеве, все приходят на митинг с маленьким спиннингом, хоп, разложил его в секунду, прапор нацепил и пятиметровый флаг готов для отряда. А мы шо, хуже?

– Для какого отряда? – не понял ничего председатель. – Ты что надумал, Вася?

– Ну, як же, якого – отряда самообороны, дядь Вань. У всех есть, гляньте-ка, вон, в телике, шо творят, а мы шо хуже, дядь Вань? – возбуждённо зачастил Глод. – Я и название уже придумал...

– Остановись-ка, Василий, – перебил его Иван Пантелеевич, – какой отряд? Какой-такой самообороны? Какое название? Ты что такое несёшь, Василий? – оторопев, застыл председатель с чайником в руках.

– Название хорошее, дядь Вань, правильное: отряд самообороны имени Вадима Титушки. Да, вы шо, телик совсем не бачите? Только и слышно из Киева: «титушки» – то, «титушки» – сё...

– Ну, слыхал, конечно, но мало ли кто как ругается, там половину того, что болтают, сейчас не разберёшь, ну их, – махнул рукой Иван Пантелеевич и стал разливать заварку по чашкам.

– Ну, вот! – обрадовался Васька Глод. – Я тоже сначала не знал хто это, а потом смекнул, раз ругают по чём свет стоит, значит, надо присмотреться. В общем, в Геніческе на базаре вызнал я всё про него, дядь Вань. Титушка тот, простой хлопец из Ровно, спортсмен, говорят, чемпион олимпийский, по какому спорту брехать не буду, бокс там или штанга, не знаю, дядь Вань, но гонял хулюганов по Киеву будь здоров, вот и невзлюбили они его, обзываться стали... В общем, надо, дядь Вань, на флаг его поднимать, когда в отрыв пойдём. Шо мы хуже бандёры всякой, – важно закончил Васька.

– Ну и каша у тебя в голове, – покачал головой председатель. – Да, ты пей, пей чай-то, – подвинул к нему чашку Иван Пантелеевич, – и скажи мне, сынок, это в какой же такой отрыв ты собрался, а?

– Ну, дядь Вань, – укоризненно смотрел на него Васька, – всё село только об том и болтает.

– Болтунов, смотрю, развелось, не только в телевизоре, – проворчал председатель.

– Ну, дядь Вань, – ещё более укоризненно протянул Васька. – Бабку Свариху хто зазвал, не вы шо ли? Бачил я, как она от вас щаз ковыляла. А шоб заноза эта впустую ходила куда, да ни в жисть такого не было. Я, дядь Вань, сразу смекнул, для чего вам Совет ветеранов сподобился. Вот только на дедах, не обижайтесь, дядь Вань, далеко не уедешь, надо молодняк в отряд самообороны собирать. Да вы не бойтесь, дядь Вань, мне можно доверять. Шо я, хуже Сварихи, шо ли?

Васька Глод помолчал, громко отхлебнул чай и признался:

– Отряд як соберём, канаву копать первым делом будем.

– Какую канаву, Вася?

– Ну, як же, дядь Вань. За северной околицей дорогу в село перекопать надо срочно. По телику бачил, везде копают. А то, як попрут бандерлоги¹ с севера, не сдюжим. Як думаешь, дядь Вань, сколько народу в наш отряд имени Титушки запишется?..

---

¹ Бандерлоги – оскорбительное название (мем) для обозначения крайних украинских националистов, последователей Степана Бандеры. В первоисточнике – «Книге джунглей» английского писателя Редьярда Киплинга – вымышленный обезьяний народ, который всё время собирается составить собственные законы, придумать собственные обычаи, но никогда не выполняет задуманного.

Долго выслушивал ещё Иван Пантелеевич Ваську, пока тот чай прихлёбывал, насилу выпроводил. Но только со стола прибрал, как в дверь тихо постучали.

– Во, дают, – изумился председатель, но вслух крикнул: – Открыто, заходите!

На этот раз в дверях застыл директор местного санатория «Стрелок» Калина. Деревня скоро на прозвища, вот Николая Петровича Калину с детства и перекрестили в Колю-Окалину, потому как бкал он в своей речи к месту и ни к месту.

– О! Здорово, председатель! Извиняй, что на ночь глядя, разговор серьёзный есть,пустишь?

– Да, пустил уже, проходи в дом Николай Петрович.

Калина достал из-за пазухи поллитровку и, хитро улыбаясь, протянул её хозяину:

– О! Держи... Со своим добром я, Пантелеич, принимай.

– Ну, значит, и впрямь разговор серьёзный, раз с магазинной горилкой пожаловал. Садись-ка за стол, Николай Петрович, вечерять будем.

Хоть и один жил дед Иван, а борщ наловчился такой знаменитый варить, что даже Лерка, внучка его, шеф-повар киевского ресторана «Будапешт», всегда тарелку за добавкой тянула. Лерка с детства дедову еду уважала, ещё когда пацанкой гарцевала тут с Мишкой по двору.

Минут через двадцать на столе дымились две огромные тарелки горячего борща, председатель дорезал ломтями колбасу, сало, хлеб, достал из банки соленья и выставил на стол огурцы, помидоры.

– Горчичку, вот, к салку бери, перчину в борщ, если повострее уважаешь, – предлагал Иван Пантелеевич, разливая водку в гранёные стопки.– Ну, что ж, давай, Николай Петрович, выпьем за встречу. Хотя, мы вроде, как уже встречались по утру в правлении, – хитро подмигнул он Калине. Чокнулся с ним и выпил.

– О! Ну так ведь народу по утру вокруг много, не поговорить по душам, – так же хитро смотрел в ответ Коля-Окалина, хрустко загрызая стопарик солёным огурцом.

– Да, ты ешь, Николай Петрович, ешь, а то остывает, успеем ещё поговорить-то...

Директор санатория ел, да нахваливал. Председатель подливал водки и терпеливо поддакивал. Догадывался, с чем Калина пожаловал, удивляло, что разом ходоки потянулись. Неужто и впрямь время пришло...

Дорожка от крыльца до самой калитки вела сквозь виноградник. Как часто бывает на юге, дед Иван смастерил лёгкую арочную конструкцию вдоль дорожки, перетянул её проволокой, и засадил виноградом. Это сейчас, в марте, перевитый лозой проход продувается насквозь во все стороны, но уже к маю ярко-зелёный по весне виноградный лист укроет всякого, кто шагнёт от калитки во двор.

Мужики сидели на крыльце прямо на деревянных ступеньках, Коля-Окалина курил и сетовал, что не будет туриста на побережье в этом году, а значит подзатянет пояса Стрелковое от недобору. Председатель соглашался, что тут скажешь, турист – он главный кормилец на побережье.

– Так ведь, Иван Пантелеевич, я к тебе не жаловаться пришёл, – наконец подступился к делу Калина.

– Да, уж я догадался, Николай Петрович, – усмехнулся председатель.

– О! Тогда прямо буду говорить. Сам, поди, понимаешь, Иван Пантелеевич, настала пора действовать. Ты видишь, что в Крыму происходит? Отвалится он, трещина через Стрелковое пройдёт, а мы не готовы.

– К чему не готовы, Николай Петрович?

– О! Так всё тут прахом пойдёт, председатель, неужто не понимаешь? Через две недели референдум в Крыму, отвалится он от Украины, как пить дать, а граница-то через нас идёт. Через мой санаторий! И где ты видел, Пантелеич, чтобы на границу турист загорать ездил...

Граница Автономной республики Крым, действительно, шла через Стрелковое. Само село и вся северная оконечность Арабатской стрелки находились в Херсонской области, но уже километрах в пятнадцати южнее села начинался Крым. А санаторий «Стрелок» стоял всего в километре от административной границы с автономией. Хотя, Иван Пантелеевич помнил времена, когда и Стрелковое к Крыму относилось. Да, что тут помнить, паспорт любого старика в селе открой, чёрным по белому прописано место рождения – село Стрелковое Крымской АССР, ещё когда автономия в составе РСФСР числилась. Зато потом понеслись преобразования: от автономии к области, от России к Украине, вот где-то на том пути, на какой-то административной колдобине и отвалилось Стрелковое от Крыма, приписали его к Херсонщине. «Так, ведь, одна советская страна была, мудри, не хочу. Вот и намудрили мудрилы, теперь расхлёбывай», – в который уже раз подумалось Ивану Пантелеевичу.

– ...В общем, накроется, Пантелеич, мой санаторий медным тазом, и всё тут накроется, помяни моё слово, – продолжал Калина.

– Да ты не пугай, Николай Петрович, что надумал, говори прямо.

– О! Тебе скажу, председатель... Ты мужик умный, сто раз думаешь, прежде чем отрезать, – всё-таки прямо говорить Калина пока не решался, – а резальщиков по нынешним временам развелось... Ну, да ты сам всё знаешь.., – прикурил он новую сигарету от старой, и лишь чуть прищурился от дыма попавшего в глаз. Председатель терпеливо ждал.

– В общем, Иван Пантелеевич, пора действовать. Отряд нам нужен...

– Самообороны? – подсказал дед Иван.

– О! Точно! – обрадовался Коля-Окалина. – Я тут слова подбираю, а ты всё знаешь, председатель. У меня в Виннице свояк крученный, ну в смысле знает, что да как... Звонил я тут ему, советует ров копать за околицей...

– За северной? – подсказал дед Иван.

– О! Зачем? – удивился Калина. – На юге копать надо. Но не за околицей, а за санаторием моим, по границе. А то, как попрут колорады² с юга, не сдюжим. Как думаешь, Пантелеич, много народу в отряд «Правого сектора» соберём?

---

² Колорады (*укр. Колоради*) – оскорбительное название (мем) для обозначения пророссийски настроенных сторонников федерализации на Юго-Востоке Украины, использующих в качестве символа георгиевскую ленту Победы, цвета которой – оранжевый и чёрный – совпадают с окраской колорадского жука.

Люди

Какой-то мутный март в этом году выдался. Да и февраль не лучше. Январь, так и вообще, полный отстой. В декабре, вроде, полегче было, но вообще, как с октября покатались все рейтинги вниз, так я их до сих пор остановить не могу. А мне эти рейтинги, во, как поднять надо.

Чтобы понятней было, как надо, станьте перед зеркалом, подбородок повыше, взгляд стальной, и решительно так, рукой на уровне подбородка черканите в воздухе... Не-не, так не пойдёт. Этим вялым движеньцем вы и рейтинги такие же получите, а мне, во, как надо: черкнуть к себе, чтоб аж просвистела рука у горла и замерла у плеча. Если успели поймать в эту секунду в зеркале свой безумный взгляд на фоне сцепленного оскала, сразу поймёте, как сильно сдались мне эти рейтинги.

Я программным директором на радиостанции тружусь. Не самая последняя в Москве станция, скажу я вам. Для той музыки, что русским роком зовётся, и вообще первой считается. А у меня 20 мая контракт заканчивается. Так что к маю мне эти рейтинги – хочешь не хочешь – надо за уши на место вытаскивать. Ибо хочу. Ибо прёт меня моя работа. А учредитель, он хоть и странный типус, но не настолько, чтобы на фоне пикирующих рейтингов продлевать контракт со сбитым лётчиком. Тем более, генеральный директор ему явно в уши дует, и явно не в мою пользу. В глаза мне улыбается: «Михаил Евгеньевич то, Михаил Евгеньевич сё», а за спиной интриги плетёт...

Таких проблем, скажу прямо, никто не ожидал после летнего успеха. Давно ведь, все хотели поменять что-то кардинально на станции. Одни и те же музыканты в плейлисте из года в год, одни и те же песни все пятнадцать лет. Перемен требуют наши сердца. Но на самой главной станции имени Виктора Цоя этот клич каждый день из года в год слушали, но не слышали. Пока я в июне новый формат не запустил – «Третью смену», ночную программу, где молодые, никому не известные музыканты, отжигали в студии два часа всё, на что способны.

И попёрло, скажу я вам. Почти сразу пошли рейтинги вверх. Сначала новой программы, а затем всей станции. Головокружение от успехов и позволило мне замахнуться на святое – на чашу Грааля нашего радио – на плейлисты, которые годами так деликатно пестовались, что иногда (сейчас снова будет святотатство!) всё тот же Цой со своим воплем: «Перемен!», походил у нас на сатиру на самого себя.

В общем, в октябре замахнулся-таки я, поменял плейлисты в пропорции шестьдесят на сорок, ну в смысле, оставил 60% старого доброго русского рока и добавил 40% новой, качественной и современной, но малоизвестной русской музыки. Ну и покатило всё куда ни попадя. К просадке-то я был готов, ясное дело, самая радикальная аудитория первой победит, когда незнакомую музыку услышит, тут главное перетерпеть. Понятно, ведь, всё – самые нетерпимые к переменам быстро сваливают, нового слушателя гораздо дольше собирать приходится. Но – и вот тут-то главный секрет! – к тому времени, когда новая аудитория соберётся, должна вернуться и большая часть старых слушателей. Таков расчёт был. А потому что никто им больше, чем мы, русского рока всё равно не предложит, не нужен он особо другим станциям даже в таком, урезанном количестве. Так что, всего лишь потерпеть...

Вот и терпели, в декабре-то остановилось падение, как я и рассчитывал, подросли даже немного. Но потом всё застопорилось, и вместо медленного, но уверенного движения вверх, началось всё то же, но только вниз. Долго ничего понять не мог, может, даже слишком долго, но в марте понял, наконец. Украина всему виной.

Мужская аудитория всех московских радиостанций, на фоне событий в Крыму и на Украине, массово качнулась от музыкальных станций в сторону информационных, у тех рейтинги выросли, у музыкальных просели. А у нашего радио просели особенно заметно на фоне моих экспериментов. Кто же мог подумать, что мой родной Крым так меня подставит...

– Надо бы деду позвонить, – нерешительно протиснулась сквозь поток сознания дельная мысль, – как он там, в Стрелковом, справляется...

***

С первым в своей истории национальным вопросом село Стрелковое справилось довольно легко ещё года три назад. И ладно бы тогда неугомонный Васька Глод умудрился снова что-нибудь отчебучить, так нет же, разлад случился во вполне себе уважаемой в округе семье.

Дед Ульян Горбунов, в прошлом главный бухгалтер одноимённого с селом совхоза, почил незадолго до того, как двое его старших сыновей – Славка и Ванька, прознали про то, что их младший брат – Вовка – собрался менять фамилию. Дело в общем житейское: был женат Вовка на Катьке, а Катька та была немкой, ну из русских немцев, их много испокон веку жило не только на Волге, но и в Крыму. Чтобы сразу внести ясность – были все эти Славки, Ваньки, да Вовки с Катьками довольно степенными и взрослыми людьми, просто в деревне накоротке по другому и не кличут никого: старшему – Вячеславу Ульяновичу, оператору местной газораспределительной станции, в то время 55 стукнуло, средний Иван Ульянович, отставной прапорщик, тоже за полтинник перевалил, да и младшенький Владимир Ульянович, механизатор, со своей Екатериной Алексеевной, урождённой Мейер, в том году сорок пятый день рождения собирались праздновать. Вовка с Катькой, кстати, каждый раз улыбку вызывали своими празднествами, ведь родились они в один год, только он – 8 марта, в женский день, а она – 9 мая, в день Победы.

Однако вернёмся к Мейерам, чью фамилию вдруг по жене решил, было, взять младший из братьев Горбуновых. Надумала его Екатерина Алексеевна эмигрировать, наконец, в ФРГ по программе переселения этнических немцев на историческую Родину. Хорошая программа была, много льгот получали переселенцы, много её родственников туда переехали за последние двадцать лет, вот Катька и решилась. Как истая немка скрупулёзно всё подсчитала до евроцента, и поняла, что с немецкой-то фамилией ещё и мужу её какие-никакие льготы перепадут, да и новоиспечённому Вольдемару Мейеру в Германии найти работу полегче будет, нежели Вовке Горбунову. Полгода собирала она всевозможные документы, а заодно и «пилила» всё это время Вовку на предмет смены фамилии. Нет, «пилила», это как-то не по-немецки звучит, внесём правку – фрау Катерина педантично обрабатывала своего супруга. И, в конце концов, выдавила из него согласие.

Как об этом пронюхали старшие братья, Катька так и не поняла. Зная их своенравную породу, держала она рот на замке в разговорах с роднёй, Вовка тоже молчал, не желая нарываться на скандал раньше времени. Но, деревня есть деревня, ничего не утаишь. Наверное, паспортистка сболтнула, к которой Катька подкатывала с расспросами насчёт смены фамилии...

Братья появились на Вовкином подворье к полудню. Сурово поздоровались:

– Собирайся, брат, помощь твоя нужна. Ты, Екатерина, Вовку-то быстро не жди, много работы в отцовском доме, матери помочь надо по хозяйству...

Повели братья младшего, действительно, в старый отцовский дом. У них всё продумано было. Мать-старуху расстраивать не стали, её ещё раньше старшая сноха, жена Славкина, к себе зазвала. Заперлись мужики в отцовском доме, разложили старые фотографические альбомы своего отца Ульяна, три медали его боевые – «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». Последнюю – на самое видное место. Ну и три бутылки на стол. Из ящика водки, что ногой под стол задвинули.

Пили долго, говорили тяжело, пару раз чуть ли не за грудки хватались... О чём говорили, толком никто не знает, можно только догадываться. Но когда под вечер вернулся, пошатываясь,

домой Вовка, а Катька по привычке что-то съязвила, Владимир Ульянович Горбунов подошёл вплотную к жене, да и сунул ей под нос кулак.

– Вот тебе, а не новую фамилию, – яростно скрутил он кулак в кукиш. – Чуть с братами меня не развела, паскуда. Русские своих не бросают! Ещё раз заикнёшься «Фамилию менять», – прибью! – пьяно пригрозил он. А она, хоть Вовка за всю жизнь пальцем её не тронул, сразу и поверила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.